

УДК 930.85

Стребкова Л. И.¹

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ В УЧЕБНЫХ
ИЗДАНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ**

ФГБУК «Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник
"Куликово поле"»

Strebkova L.I.

**CONSTRUCTION OF THE IMAGE OF THE BATTLE OF KULIKOVO BATTLEFIELD
IN THE EDUCATIONAL PUBLICATIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE TURN
OF THE XIX-XX CENTURIES**

The State Museum «Kulikovo Field».

Аннотация. Статья посвящена изучению источников и механизмов формирования образа Куликовской битвы в учебных изданиях Российской империи рубежа XIX - н. XX вв. В центре внимания – концептуальное понимание значения Куликовской битвы в истории России авторами наиболее популярных учебников.

Ключевые слова: историческая память; Куликовская битва; учебные издания.

Abstract. The article is devoted to the study of the sources and mechanisms of formation of the image of the Battle of Kulikovo in educational publications of the Russian Empire at the turn of the 19th - present. XX centuries the focus is on the conceptual understanding of the significance of the Battle of Kulikovo in the history of Russia by the authors of the most popular textbooks.

Keywords: historical memory; Battle of Kulikovo; educational publications

М.Ф. Румянцева отмечает, что «учебник по необходимости является высшей формой концептуализации имеющегося знания» [9, с.110], в связи с чем представления, существовавшие в коллективной памяти конкретной эпохи, находят в нем наиболее полное отражение. С одной стороны, учебные издания отражают позиции авторов, ценности, существовавшие в культуре конкретной эпохи, с другой стороны, сами конструируют историческое сознание [12, с. 3].

Учебные книги в дореволюционной России различались по цене и предназначению: для сельских, городских и уездных училищ, гимназий. Среди учебных изданий можно выделить также сборники рассказов по русской истории, хрестоматии, пособия, которые

¹ Лариса Ивановна Стребкова, аспирант Тульского государственного университета (ТулГУ), экскурсовод ГМЗ «Куликово поле» (Тула, Россия).

представляли собой богато иллюстрированные, довольно дорогие издания.

Как отметила О.Б. Леонтьева, представления о прошлом включают три компонента: информативный (фактура само по себе, которой обладает узкий круг историков), концептуальный (целостные представления о ходе и смысле исторического процесса, влияющих на него факторах), аксиологический (оценка событий прошлого с точки зрения ценностных приоритетов) [5, с. 363]. Аксиологический компонент выражен в большей степени в учебниках для народных училищ, в то время как учебные издания и пособия, рассматриваемые нами в данной статье, выражают более высокий уровень представления о прошлом - концептуальный. В них в большей степени присутствует развернутая концепция повествования, больше внимания уделено выводам и описанию значения исторических событий.

Рассмотренные в данной статье издания - хрестоматии, сборники рассказов, повестей, относятся к ряду дорогих, предназначенных для представителей высших сословий российского общества. Авторами этих учебников нередко были представители дворянства, свое распространение они также имели преимущественно в дворянской среде. Они не входили в круг необходимых учителю и предназначались «в помощь учащимся». Заметим, что значительное число дворянских детей в XIX в. по-прежнему получали домашнее образование, поэтому эти дорогие многостраничные (300-400 стр.), хорошо иллюстрированные издания пользовались большой популярностью в их среде. Для рассмотрения были выбраны восемь изданий, пользовавшихся на рубеже XIX-XX вв. наибольшей популярностью.

Образ Куликовской битвы, сформировавшийся на страницах этих изданий, отличался большой самостоятельностью. Авторы рассказов не стеснялись узкими рамками источников и данных современной им науки, а давали волю фантазии, стремясь с наиболее объемному, с художественной точки зрения, насыщенному деталями образу. В какой-то степени, авторы создавали новое «Сказание о Мамаевом побоище», которое из-за своего архаичного языка к концу XIX в. было вытеснено из массового исторического сознания и представляло интерес исключительно для профессиональных историков. Их вдохновлял старый сюжет, который они облакали уже в другую форму, понятную современным читателям.

Поставим перед собой задачу выделить главные черты образа Куликовской битвы и его источники. Попробуем определить, насколько единой была схема описания битвы, каким выглядело описание князя Дмитрия и возглавляемого им русского войска, как был описан противник.

Из-за обширного круга источников по истории Куликовской битвы, открытых к концу XIX в., перед авторами был большой выбор фактов, которые они могли использовать для создания своего образа этой битвы. Из-за подробности описания сражения (по сравнению с учебниками для начальной школы) в меньшей степени мы будем обращать внимание на фактическую сторону изложения, имена упомянутых героев битвы, в большей степени сделаем акцент на восприятие авторами учебников концепции значения битвы в истории России. Это позволит нам сделать вывод о представлениях, связанных с Куликовской битвой, существовавших в массовом историческом сознании эпохи.

В учебнике К.В. Елпатьевского «Русская история» глава «Русь под владычеством татар» противостоит «Московской Руси», начинающейся с Ивана III. Описание Куликовской битвы приведено на 3-х страницах, половину из которых занимает цитата С. М. Соловьева о значении этого сражения в русской истории [3, с. 75]. Главный акцент автор делает на выводах, описание самого сражения полностью опущено, за исключением одного лишь упоминания удара Засадного полка.

Историческая хрестоматия, составленная тем же автором, включает стихотворения поэтов XIX в. - «Игумен всяя Руси» А.А. Навроцкого и «Мамаево побоище» А.А. Голенищева-Кутузова, а также рассказы В.Д. Сиповского «Куликовская битва» и «Св. Сергей Радонежский» [2, с. 138-149]. Заметим, что главными героями данных произведений являются святой Сергей и народ; фигура князя Дмитрия вынесена на второй план. Так, например, А.А. Голенищев-Кутузов рисует образ народной битвы:

Русь много других одержала побед,
Но равных победе великой той нет -
Гремит ее слава доньше....
Затем, что впервые сказала в тот час
Народная русская сила –
Та сила, что грозно потом разнеслась,
Громила Восток и Закат и не раз к Царьграда вратам подходила... [2, с. 154].

Военным событиям истории средневековой Руси уделено в хрестоматии гораздо меньше места, чем событиям XIX в. (осаде Севастополя посвящены 6 сюжетов, войне 1812 г. – 12 сюжетов, Куликовской битве – 5).

Обратимся к рассказу В.Д. Сиповского, размещенному в этой хрестоматии. Повествование строится на тексте Никоновской летописи, содержит множество ярких цитат («Не в силе Бог, но в правде» звучит из уст Ольгердовичей, «Честная смерть лучше позорной жизни») [2, с. 142-149]. Русское войско представляется им как ополчение:

«никогда не собиралось такого большого ополчения», более 150 тысяч конных и пеших [2, с. 144]. Влияние текста летописи заметно в описании образа сражения: «Копья у воинов второго ряда были длиннее чем у передних», «Одежда у татар была темного цвета», русское войско-«блестящее», на «10 верст вокруг» развернулась сеча. Описание численности войск также приводится по летописи: 40 тысяч уцелело русских, более 200 тысяч погибло с двух сторон. Итоги битвы он оценивает весьма скептически: «Не кончились беды от татар», Рязань изменила, Тверь, Псков и Новгород не прислали помощи, Тохтамыш и Эдигей (!) жгли Москву, произошло и нашествие Тамерлана в 1395 г. Определенный положительный итог был - после Дмитрия выросло поколение, не боявшееся татар, но таким ли великим он выглядел после перечисления целого ряда нашествий? В то же время, К. В. Сиповский относился к редким авторам, которые упоминали о памятнике, установленном на месте сражения в 1850 г. [2, с. 149].

В книге этого же автора «Родная старина» мы найдем более подробное описание битвы, содержащее рисунки установленного на Куликовом поле памятника, рисунки воинов, например «Вождь в юшмане шишаке и приволоке», «Воин в кукле и стеганой шапке», «Ратник в бахтерце и в шишаке с еловцем» [10, с. 222].

Написанное живым, поэтичным языком сочинение А.О. Ишимовой неоднократно переиздавалось на протяжении всего XIX века и пользовалось большой популярностью [4]. Ее известность была столь высока, что Д.Д. Оболенский даже поставил ее в один ряд с Н.М. Карамзиным: «Близость Куликова поля и была причиною, что мы еще детьми слышали бесконечные рассказы про донское сражение и интересовались описанием его Карамзиным, Ишимовой и др. Мы знали наизусть целые страницы, повествующие о Куликовской битве» [6, с. 581].

В ее сочинении «Донское сражение или битва Куликовская» описана в отдельном параграфе на 11 страницах. Продолжая традицию Н.М. Карамзина, А.О. Ишимова дает персонажам яркие образные характеристики, в целом наделяя их чертами исключительно отрицательными (Ягайло, Мамай, «бесчеловечные татары», «Олег, которого Дмитрий считал себе другом»), или положительными (Дмитрий, Сергей, Александр Пересвет и Ослябя). Передавая особенности атмосферы эпохи, А.О. Ишимова приводит фрагмент стихотворения Языкова «Баян к русскому воину». Стоит отметить, что А.О. Ишимова была одним из авторов, которые, помимо использования красивого художественного языка, необычайно внимательно подходили к изучению документов. Проникая вглубь далеких времен, она создает образ войска князя Дмитрия - «Князя ростовские, белозерские, ярославские с дружинами, бояре владимирские, суздальские, переяславские, костромские,

муромские, дмитровские, можайские, звенигородские, углецикие, серпуховские с детьми боярскими. Все эти дружины составили многочисленное войско...». Заметим, что другие авторы не уделяли внимания перечню дружин и городов, ставших участниками битвы. Одну из многих заслуг А.О. Ишимовой, которая не повторяла, но переосмысливала многое, можно увидеть в этом. В рядах русского войска она называет «более 150 тысяч воинов, конных и пеших», «Всего же по уверению некоторых историков было до 200 000 тел, вчетверо больше убито татар».

Прямых выводов в этой книге мы не встретим. Автор стремится избежать резких однозначных суждений, оставляя читателю право самому сделать вывод: «Встречали Донского как освободителя отечества от жестокой власти варваров, все думали, что это освобождение уже исполнилось. Татары уже никогда не осмелятся идти на русских»; «Если бы все князья равно любили свое отечество и соединили войска свои, можно было бы ручаться, что еще одно сражение такое как было Донское и Россия навсегда освободилась бы от притеснителей своих». Но «все князья оставили Дмитрия на жертву Тохтамышу» [4, с. 145].

Учебное издание В.И. Фармаковского, по мнению современников, заслуживало внимания, представляя собой нечто «среднее между учебником и книгой для чтения». Описание Куликовской битвы представлено в нем на 4 страницах. Автор не стремится к образности, поэтому произведение лишено цитат, слов прямой речи, характеристики персонажей. Следуя схеме изложения, принятой многими авторами учебников, после правления Ивана Калиты сразу же описывается княжение Дмитрия Донского, показывая преемственность проводимой ими политики. В тексте много оценок, за скупыми фактами кроется множество выводов. Отмечены отдельные особенности политического процесса, ситуация накануне битвы. Автор рисует портреты двух противников: с одной стороны - слабеющая из-за усобиц татарская орда, с другой стороны – собираемая уже 40 лет московскими князьями Русь. Огромное внимание автор уделяет психологии, подчеркивая, что за 150-летнее время владычества татар выросло новое поколение, презиравшее, а не боявшееся их. Одной из главных причин войны между Мамаем и Дмитрием он видит не отказ выплаты дани, а то, что «Дмитрий не оказывал почтения татарам».

Итогом битвы стало большое количество убитых (уцелела десятая часть русского войска), вскоре произошло нашествие Тохтамыша, после которого на Русь была снова возложена «дань великая». В выводе присутствует мотив единства – «русские люди поняли теперь, что огромные полчища татар не страшны для них, когда в России не будет розни – когда вся русская земля встанет против врагов, как один человек» ; «счастье русской земли

– в Московском княжестве, государи которого раньше других принялись собирать русскую землю и успешнее других совершали это дело» - заключает он, рассуждая о результатах грамотной политики московских князей. Таким образом, «победа не освободила Россию, но была полезна». Полное же освобождение России произойдет через 100 лет и будет связано с именем Ивана III. Следует отметить, что учебник содержит отдельный параграф «следы татарщины в русской жизни», где автор отмечает, что «Татары же были народ грубый и дикий» и негативно повлияли на русский характер [11, с. 64].

На основе летописей воспроизводится образ Куликовской битвы в пособии С. Н. Васильковского. Описание битвы на 17 страницах он приводит по Никоновской летописи, нашествие Тохтамыша описано по Новгородской летописи [1, с. 280-296].

Одним из авторов, которые строили свое повествование о битве на основе «Сказания о Мамаевом побоище», был А.Ф. Петрушевский. Автор вводит описание битвы в подробный контекст – излагает основы политики московских князей, показывает роль бояр при малолетнем князе Дмитрие, показывает Дмитрия как сильного государственного деятеля, который «крепит власть». Среди характерных его черт он называет воинственность и склонность к войне: «В войне искал счастья, война почти не прерывалась в его княжение» [7, с. 99-103]. Его жесткостью он объясняет победу Москвы в борьбе с Тверью, Рязанью, Литвой и Ордой. Кроме цитат из «Сказания о Мамаевом побоище», автор вставляет в текст фрагменты из народных песен. Полностью повторяя сюжет «Сказания о Мамаевом побоище», он завершает его нашествием Тохтамыша, заимствованным из летописи.

Главный итог битвы он видит в демонстрации силы единства: «Русская земля увидела, что может одолеть татар, что силы у нее на это хватит, если не уйдет эта сила на смуты и усобицы. Русские перестали смотреть на татарскую орду так опасно, боязливо, как прежде. Да и татары были уже не те, что в Батыево время: Куликовская битва много сбавила с них спеси» [7, 108]. Текст проиллюстрирован изображением князя Серпуховского, который поздравляет Дмитрия Донского с победой [7, с. 109].

Рассуждая о положении средневековой Руси на мировой арене, он заключает, что «Русскому народу надолго выпала злая судьбина: ему пришлось столетиями жить в соседстве и общении с полудикими племенами на окраине христианского мира» [7, с. 351-352].

В начале XX в. актуальным становится погружение в обстановку XIV столетия, появляются попытки художественного переосмысления образа битвы.

Одну из таких попыток предпринял А.Е. Разин и продолживший его дело В. И. Лапин. Их книга под названием «Откуда пошла русская земля» стала первой попыткой

издания всей истории России в рассказах. Озаглавив ее цитатой древнерусского летописца Нестора, авторы создавали свою, новую, более актуальную для современности, взамен устаревшей летописной, историю России.

«Соблюдая историческую истину», авторы задумали «представить ее в беллетристической форме, соединяя знание исторических фактов с развитием художественного вкуса». Как заметил И.А. Гончаров, «Эти рассказы занимательны для всех возрастов и понятны для всех степеней образования». Рассказ «Мамаево побоище» - вымышленный художественный рассказ, в котором главными действующими героями являются люди XIV столетия, имена которых известны из древнерусских источников. Сюжет строится вокруг диалогов старого боярина Александра Даниловича Белевута - участника Куликовской битвы с новгородским кормчим и княжной Софьей Витовтовной. На страницах рассказа оживают многие участники Куликовской битвы – Александр Пересвет, Иван Квашня, Семен Мелик и многие другие. Одним из героев рассказа является Селиван Борисович Волынский-Боброк – внук Д.М. Боброка-Волынского. Действие сюжета разворачивается спустя десять лет после Куликовской битвы на Новгородской земле, что позволяет вспомнить и князя Александра Невского. Оценка значения победы выглядит двойственно. С одной стороны: «Здесь была не просто победа над какими-нибудь немцами на Чудском озере – это была орда, не один татарский отряд, а вся орда прикочевала на Куликово поле, и вся орда бежала от русской силы», 143-летнее рабство завершилось, Русь «просияла бессмертной славой, сама себе стала госпожой и над московским великим князем не стало больше ордынского царя» [8, с. 696]. С другой стороны, победа была одержана слишком большой ценой – новое нашествие, которые устроил Тохтамыш, остановить уже не смогли – зароптали бояре и княжества, изменили, не пошли больше на помощь Москве; «совсем-было справился покойный князь Дмитрий, да народилась новая орда, и тяни опять ту же ляжку...И народу вовсе не стало: какой был, весь потратили на Куликовом поле» [8, с. 683]. Таким образом, снова присутствует традиционный сюжет о разорении Москвы Тохтамышем. Текст сопровождается иллюстрацией, изображающей поединок Пересвета с татаринном [8, с. 697]. Автор настолько погружается в атмосферу эпохи, что, повествуя о ней, не называет имени татарина (Челубея), который начал битву.

Особенностью этого издания можно считать то, что попытка автора детально отразить быт и менталитет человека эпохи Куликовской битвы приводит к включению в сюжет значительного числа бояр и акцентированию внимания на их роли в жизни княжеств того времени («дело сделали бояре с митрополитом Алексием»). Основным источником для повествования выступает «Сказание о Мамаевом побоище», переосмысленное и изложенное

автором в художественной форме.

Таким образом, всем рассмотренным выше изданиям характерна однозначная оценка итогов битвы: победы, одержанной большой ценой, которая не завершила период ига; присутствует мотив единства русских княжеств. Вместе с тем, нашествие Тохтамыша стало неотъемлемой чертой образа сражения, заставляющей авторов быть осторожными в ее позитивных оценках.

Описание битвы приводится по одинаковой схеме. Так или иначе на страницах изданий присутствует образ «диких татар» и нахождения Руси на окраине цивилизованного мира. О русском войске как «ополчении» прямо говорят не многие; образ народной битвы в одних изданиях существует наряду с образом боярско-княжеского войска в других. Для создания образа Куликовской битвы авторы использовали два основных источника – «Сказание о Мамаевом побоище» и Никоновскую летопись.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васильковский С.Н. Русская история в источниках. Ч. 1: пособие для средних учебных заведений. – М.: тип. бывш. Кудрявцевой, 1880. – 330 с.
2. Елпатьевский К.В. Рассказы и стихотворения из русской истории: ист. хрестоматия для мл. кл. сред. Заведения / сост. К. В. Елпатьевский. – 3-е изд. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. – 497 с.
3. Елпатьевский К.В. Учебник русской истории: с приложением родословной и хронологической таблиц и указателя личных имен. – 8-е изд., - С.-Петербург: типография М. М. Стасюлевича, 1903. – 486 с.
4. Ишимова А.О. История России в рассказах для детей. – 6-е изд. – СПб.: изд. А. С. Суворина, 1890.
5. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в культуре пореформенной России // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. – М.: Круг, 2008. С. 636 – 681.
6. Оболенский Д. Д. Куликово поле // Исторический вестник. 1903. Т. ХСIII. С. 580 – 594.
7. Петрушевский А.Ф. Рассказы про старое время на Руси, от начала Русской земли до Петра Великого. – 16-е изд. – М.: изд. Книжного магазина В. В. Думнова, 1906. – 352 с.
8. Разин А.Е. Откуда пошла Русская земля и как стала быть: русская история в повестях. – СПб.: изд. Т-ва М. О. Вольф., 1914.

9. Румянцева М.Ф. «Места памяти» в структуре национально-исторического мифа // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Специальный выпуск: Исторические мифы и этнонациональная идентичность. №21. – М.: изд-во ЛКИ, 2007. С. 106-118.
10. Сиповский В.Д. Родная старина: отечественная история в рассказах и картинах. – 3-е изд. – СПб.: изд. Д. Д. Полубояринова, 1887-1896.
11. Фармаковский В.И. Русская история с присовокуплением необходимых сведений из всеобщей истории. Изложено по способу Грубе. – 2-е изд., 1875. – Вятка: изд. А. А. Красовского.
12. Федорова Н.Г. Школьный учебник по истории средних веков в дискурсивном пространстве российского общества вторая четверть XIX-начало XX вв.): Автореф. дис. канд. ист. наук. – Казань, 2008. – 28 с.

REFERENCES (transliteration)

1. Vasil'kovskij S.N. Russkaja istorija v istochnikah. Ch. 1: posobie dlja srednih uchebnyh zavedenij. – М.: tip. byvsh. Kudrjavcevoj, 1880. – 330 p.
2. Elpat'evskij K.V. Rasskazy i stihotvorenija iz russkoj istorii: ist. hrestomatija dlja ml. kl. sred. Ucheb. Zavedenija / sost. K. V. Elpat'evskij. – 3-e izd. – SPb.: Tip. M. M. Stasjulevicha, 1909. – 497 p.
3. Elpat'evskij K.V. Uchebnik russkoj istorii: s prilozheniem rodoslovnoj i hronologicheskoj tablic i ukazatelja lichnyh imen. – 8-e izd., - S.-Peterburg: tipografija M. M. Stasjulevicha, 1903. – 486 p.
4. Ishimova A.O. Istorija Rossii v rasskazah dlja detej. – 6-e izd. – SPb.: izd. A. S. Suvorina, 1890.
5. Leont'eva O.B. Istoricheskaja pamjat' i obrazy proshlogo v kul'ture poreformennoj Rossii // Dialogi so vremenem: pamjat' o proshlom v kontekste istorii / pod red. L. P. Repinoj. – М.: Krug, 2008. P. 636 – 681.
6. Obolenskij D. D. Kulikovo pole // Istoricheskij vestnik. 1903. T. XCIII. P. 580 – 594.
7. Petrushevskij A.F. Rasskazy pro staroe vremja na Rusi, ot nachala Russkoj zemli do Petra Velikogo. – 16-e izd. – М.: изд. Knizhnogo magazina V. V. Dumnova, 1906. – 352 p.
8. Razin A.E. Otkuda poshla Russkaja zemlja i kak stala byt': russkaja istorija v povestjah. – SPb.: изд. T-va M. O. Vol'f., 1914.

9. Rumjanceva M.F. «Mesta pamjati» v strukture nacional'no-istoricheskogo mifa // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. Special'nyj vypusk: Istoricheskie mify i jetnonacional'naja identichnost'. №21. – M.: izd-vo LKI, 2007. P. 106-118.

10. Sipovskij V.D. Rodnaja starina: otechestvennaja istorija v rasskazah i kartinah. – 3-e izd. – SPb.: izd. D. D. Polubojarinova, 1887-1896.

11. Farmakovskij V.I. Russkaja istorija s prisovokupleniem neobhodimyh svedenij iz vseobshhej istorii. Izložheno po sposobu Grube. – 2-e izd., 1875. – Vjatka: izd. A. A. Krasovskogo.

12. Fedorova N.G. Shkol'nyj uchebnik po istorii srednih vekov v diskursivnom prostranstve rossijskogo obshhestva vtoraja chetvert' XIX-nachalo XX vv.): Avtoref. dis. kand. ist. nauk. – Kazan', 2008. – 28 p.

Рецензент: Арбеков А.Б. – канд. ист. наук, научный сотрудник ФГБУК «Тульский государственный музей оружия».